

Ария небритого ангела

Веч. Москва. - 2004. - 19 июля. - с. 6

В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ КОНСЕРВАТОРИИ СОСТОЯЛСЯ КОНЦЕРТ АМЕРИКАНСКОГО КОНТРАТЕНОРА ДЭВИДА ДЭНИЭЛСА

Контратенор – это вовсе не тот, кто злобно мстит за что-то тенору обычному. Это очень высокий тенор, можно сказать, мужское сопрано – практически женский голос, только не такой красивый. Хотя есть свидетельства о дивных голосах этого диапазона – увы, относятся они к кастратам (XVII – XVIII век), у которых, мягко говоря, физиологическая деформация порождает способность извлекать звуки небесной чистоты.

■ Наталья ЗИМЯНИНА

К счастью для мужчин, эпоха та далеко позади, а живые остатки ископаемой вокальной цивилизации лишь время от времени предстают пред ясны очи онемевшего от изумления современного слушателя.

Что скрывать: до сих пор не доводилось слышать живьем идеальный контратенор (в записи – другое дело), который, как это задумывалось, заставлял бы совершенно отрешиться от мыслей земных, не исключая раздумий о том, не лучше ли все-таки оставить жене женино, и не говоря уже о тягостных фантазиях на тему зримых подробностей кастрации.

На концерт Дэвида Дэниэлса собрался практически полный Большой зал консерватории, что, согласитесь, странно в субботний июльский день, когда клубника уже так и просится с грядки в рот и только что сама со стоном не прыгает к вам в гамак наподобие гоголевских галушек.

Своим присутствием вечер поместили экстравагантный Роман Виктюк, как известно, не чуждый музыкальному театру (в этом сезоне он даже отважился поставить в «Новой опере» «Искателей жемчуга»),

Контратенор Дэвид Дэниэлс раздает автографы московским поклонникам

а также множество других мужчин, обожающих все необычное.

Концерт, впрочем, открыл настоящий мачо – гобоист Алексей Уткин, который, как всегда, превосходно солировал и в Бахе-отце, и в Бахе-сыне, и в Генделе, держа своей звуковой аккуратностью в изящной узде собственный оркестр «Эрмитаж». Одно удовольствие не только слушать Уткина, но даже и просто наблюдать, например, его нетерпение вступить со своим соло после долгого оркестрового проигрыша. Бородка Уткину к лицу, но тут вышел столь же среднебородатый Дэниэлс, названный на роскошной афише ангелом, – и двум бородам стало на сцене будто даже тесновато.

Впрочем, какая разница? Главное, что бородач, поющий старинные арии высоким сопрано, оказался диковинкой без обмана и не выделял никаких цирковых номеров, за исключением разве что одного особенно эффектного колоратурного куска. Хотя, конечно, все мы люди – и как только он раскрыл рот, издаваемые им звуки сначала с непривычки казались искусной шуткой, чуть ли не чревовещанием. Эффект игры на раздвоение сознания (мужчина – женщина) проходит быстро, к чуду, даже не вполне оправданному, привыкаешь, и голос – чистый, культурный, несомненно востребованный при нынешней моде на потустороннюю старину, – начинает разочаровы-

вать отсутствием теплоты и волнения.

Как судить? Как знать, эту ли особенность исполнителя имел в виду Гендель, например, в опере «Роделинда» (1725)? И кто это вообще такая? и о чем там, в опере, речь хоть в двух словах?.. Сказать по правде, подготовиться к такому концерту честному слушателю очень трудно!

Тем не менее тихая истерика партера, упорно не желавшего потратить вечер зря, постоянно витала в воздухе, время от времени заставляя тонких ценителей эстетской патологии не во время хлопать и кричать «браво!». А один крашенный блондин из левого амфитеатра вообще чуть сверху не рухнул, пока бородатому ангелу руками махал.